

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

РЕЛИГИОЗНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МЕХАНИЗМА САМОРЕГУЛЯЦИИ

Нина Анатольевна Селиверстова (nas0311@ya.ru),
Юлия Альбертовна Зубок

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. (2023) Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2): 135–174.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7>. EDN: XKXRCF

Аннотация. Теоретически обоснована связь религиозной самоидентификации с воспроизводством механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Исследован воспроизводственный потенциал религиозной самоидентификации в отношении бессознательного и осознаваемого, традиционного и современного в механизме саморегуляции. Представлены результаты эмпирического анализа данных об особенностях воспроизводства элементов этого механизма и соответствующих им смысловых образцов в группах верующих, неверующих и неопределившихся. Трехмерный корреляционный анализ проведен с учетом возрастной дифференциации молодежи, определяющей ее социально-психологическую и социокультурную специфику. Выявлено, что процессу воспроизводства социокультурных компонентов, во-первых, присущ простой, расширенный или суженный характер, во-вторых, он не всегда определяется религиозной идентичностью. Религиозная самоидентификация в явном виде воспроизводит только архетипы и утрачивает однозначную связь с другими элементами бессознательного — ментальными чертами, габитусами, стереотипами. Воспроизводство ментальных черт и габитусов значимо коррелирует с религиозной самоидентификацией только в группах выраженных носителей и не всех, а некоторых ориентаций. Воспроизводство стереотипов более значимо связано с возрастом, чем с религиозной идентификацией. В воспроизводстве современных черт связь с религиозной самоидентификацией заметно нивелируется. А в воспроизводстве смыслов базовой культуры и субкультуры в полной мере проявляется нелинейность и гибридизация смысловых композиций. Наличие религиозной самоидентификации поддерживает воспроизводство традиционной, но не гарантирует ослабление влияния современной культуры в молодежной среде. В группе верующей молодежи наблюдаются простое или тенденции к суженному воспроизводству традиционных элементов и простое или тенденции к расширенному воспроизводству современных компонентов культуры.

Ключевые слова: молодежь, религиозная самоидентификация, механизм социокультурного воспроизводства, архетипы, менталитет, габитусы, стереотипы, субкультурные смыслы.

Введение

Уровень религиозности и неверия молодежи в Бога (трансцендентное), по данным эмпирических исследований, величины непостоянные (Кублицкая 2019: 310). С одной стороны, феномен религиозности молодежи, как и других социальных групп, характеризуется «продолжением относительно долгосрочной тенденции постепенной смены религиозного ренессанса первых постсоветских лет более умеренным отношением к религии, в том числе к традиционным конфессиям» (Кублицкая, Назаров 2019: 1126), с другой — может быть реакцией на конкретные события политической и церковной жизни общества (Павлюткин 2020). Динамику религиозности молодежи отражают измерения ее субъективного показателя — религиозной самоидентификации, хотя она остается спорным критерием религиозности для ряда исследователей. Предмет дискуссии составляет признание/непризнание этого субъективного признака достаточным для включения его в комплекс показателей религиозности. Детали дискуссии проанализированы С.Д. Лебедевым (Лебедев 2005: 156–157) и, по его мнению, «свидетельствуют о типичном “кризисе парадигмы”, когда общепринятая схема интерпретации перестает удовлетворительно объяснять социальную реальность» (Лебедев 2010: 86).

В исследованиях религиозной самоидентификации россиян начала 2000-х годов, включая молодежь, выявлено, что ее основу составляет отождествление себя с этнической культурой, доминантным признаком которой выступает религия, определившая специфичный образ жизни большой группы (Мчедлов 2005; Синелина 2006). Данный феномен сохраняется в российском обществе (Кублицкая 2009; Дивисенко, Белов 2017), т.е. религиозная самоидентификация является комплексным показателем, включающим множественную идентификацию: соотношение себя с культурой, этносом, религией. Но в молодежной среде процессы идентификации себя с определенной группой верующих, конкретной конфессией или признания факта существования Бога имеют свою специфику. «Вход» в религию, отождествление себя с сообществом верующих чаще всего случается в рамках конкретной субкультуры, а не семьи, что отражает европейские тенденции (Ореханов 2014; Кублицкая, Лютенко 2019). Другая особенность связана с тем, что возникает «новая» вера, отличающаяся индивидуально-избирательным характером, ибо она складывается на основе собственных предпочтений.

До сих пор религиозная самоидентификация молодежи целенаправленно не рассматривалась в контексте социокультурного воспроизводства, хотя и отражалась в социологических работах. Например, феномен религиозности поколения «детей» анализируется в связи с преемственностью ценностно-нормативной структур и участием в религиозных практиках (Безрогов 2002, 2006; Пруцкова 2015).

Наибольший потенциал предоставляет предметное поле связи религиозной самоидентификации с социокультурной саморегуляцией жизнедеятельности молодежи, причем как в аспекте саморегуляции воспроизводства религиозной идентичности, т.е. влияния смысловых компонентов реальности на ее декларирование и проявление, так и наоборот, как участие религиозной идентификации в формировании социокультурного механизма саморегуляции. В широком общеисторическом плане неизбежность влияния религии на социокультурную саморегуляцию отмечалась при обосновании отношения к различным объектам социальной реальности — труду, семье, власти и т.д. (Чупров, Зубок, Романович 2014). Но вопрос о связи воспроизводства конкретных элементов механизма с религиозной самоидентификацией молодежи не поднимался. Цель данного исследования, таким образом, состоит в выявлении связей религиозной самоидентификации и элементов социокультурного механизма саморегуляции в молодежной среде.

Методология и теория исследования

Методологическим основанием исследования являются концепции социального воспроизводства и саморегуляции жизнедеятельности молодежи, разрабатываемые Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН на протяжении длительного времени (Зубок, Чупров 2008; Чупров, Зубок, Романович 2014).

Под воспроизводством в наиболее общем виде понимается непрерывное возобновление различных сторон жизнедеятельности, включающее как процессы репродуцирования количественных и качественных характеристик различных сторон жизнедеятельности молодежи и общества, так и их динамику. Социокультурное воспроизводство — часть механизма общественного воспроизводства, характеризующаяся процессами преемственности, инновации и трансляции смысловых, ценностно-нормативных и деятельностных элементов культуры. Это триединство, обеспечиваемое простым воспроизводством социокультурных образцов, их переосмыслением с учетом изменяющейся социальной реальности и передачей следующим поколениям, происходит при непосредственном участии молодежи. Ее включение в общественную жизнь сопровождается как

восприятием и принятием культуры, так и ее преобразованием с учетом новых условий и стоящих перед молодыми людьми жизненных задач, обретаемых знаний и опыта. Через отождествление себя с носителями тех или иных представлений, принятие присущих им ценностей, норм и способов жизнедеятельности молодежь воспроизводит различные элементы культуры и меняет их, вырабатывая иные представления о реальности и практики. При этом одни образцы подвержены простому воспроизводству, другие — расширенному, третьи — суженному. Соответственно изменяется социальная база носителей тех, или иных культурных образцов, интенсивность их влияния на жизнедеятельность.

Для понимания характера воспроизводства имеет значение не только его результат, в котором отражается мера социокультурной преемственности и изменений, но и особенности регулирования этого процесса. Регулирование может происходить как намеренное воздействие институтов, нацеливание молодежи на определенные образцы культуры и поощрение их усвоения. Но значительная часть процессов в культурном воспроизводстве является саморегулируемой, т.е. определяется субъектным выбором самих молодых людей, осознанным или в полной мере не осознаваемым. Поэтому в определении саморегуляции как субъектной деятельности молодежи по выбору целей жизнедеятельности и средств их достижения мы исходим из понимания ее как сложной системы преднамеренных действий, сформированной взаимодействием осознаваемых и неосмысленных интенций и установок. В их основе лежит совокупность взаимодействующих исторически сложившихся базовых и современных смыслов, интегрированных молодежью вследствие взросления в сложном переплетении воспроизводимых образцов традиционной культуры и усваиваемых образцов современной глобализированной культуры.

Базовые основания культуры непосредственно связаны с историческим опытом, запечатленным в коллективном бессознательном. По-своему воспроизводясь в современных условиях, они встраиваются в социокультурный контекст, образуя парадоксальные по смысловому строению модели саморегуляции (Чупров, Зубок, Любутов, Сорокин 2021). Социокультурное воспроизводство в этом механизме обеспечивается не отдельными элементами, а комплексом бессознательных (архетипами, ментальными чертами, габитуальными установками, стереотипами) и осознаваемых смысловых компонентов базовой культуры и субкультуры. Базовые элементы содержат устойчивые концепты с набором основополагающих ценностей, находящихся в центре тезауруса большинства носителей данной культуры, и отражают связь молодежи с обществом как части и целого. А так называемые субкультурные отражают особенности внутригруп-

повых взаимодействий молодежи, связанные со спецификой взросления, и рассматриваются не как конкретное отражение субкультурных течений, а в более широком плане как отличительное свойство этой особой социально-демографической группы (Чупров 2017; Зубок, Чупров 2020). Каждый из элементов по-своему влияет на смысловые основания жизнедеятельности молодежи, а их взаимодействие придает целостность механизму ее саморегуляции.

Благодаря действию этого механизма на индивидуальном и групповом уровне молодежь воспроизводятся определенные ценностно-смысловые и поведенческие образцы, которые закрепляются в саморегуляционном механизме в форме устойчивых элементов культуры и, в свою очередь, обуславливают направленность и устойчивость социокультурного воспроизводства. То есть преемственность и обновление обеспечивают не только институты и агенты социализации, представители старших поколений и сверстники, но и элементы социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности. А социокультурная среда выступает пространством, в котором возобновляется их действие.

Религия — источник формирования базовых смыслов как оснований саморегуляции и значимый фактор их воспроизводства. Верующая молодежь, воспроизводя архетипические смыслы, ментальные и современные черты, стереотипы и габитусы обеспечивает относительную сохранность этих глубинных констант культуры. Вместе с тем названные компоненты механизма социокультурного воспроизводства в определенной степени поддерживают предрасположенность к религиозной самоидентификации. При этом сформировавшиеся некогда в связке с религиозной культурой и воспроизводимые в современных условиях светского общества нормы и ценности нередко утрачивают прямую связь с религией, существуя в форме общих мировоззренческих установок.

Сложившиеся исследовательские практики анализа религиозной идентичности индивида и группы, как правило, включают то или иное сочетание следующих составляющих: «когнитивное (конкретное знание о себе как члене социальной общности и осознание отличия “своих” от “чужих”); ценностное (различные ценностные представления о себе и своих общностях, разрешениях и запретах, нормах и требованиях); аффективное (оценка значимости своего членства в общности, определения позитивных и негативных установок по отношению к “своим” и “чужим”); защитное (упорядочивание социального опыта как реакция на дестабилизирующую социальную среду)» (Кублицкая 2009: 271).

Специфика религиозной самоидентификации индивида заключается в том, что она включает два уровня: признание трансцендентного (вера

в Бога, сверхъестественную силу) и отождествление себя с конкретной конфессией. В свою очередь, «конфессиональная идентификация субъекта — это сложный, многомерный тип социальной идентичности, так как может включать в себя не менее четырех маркеров: религиозный, исторический, культурологический и этнический» (Кублицкая 2009: 272). Для исследования религиозной самоидентификации молодежи, как подчеркивалось ранее, не менее важен субкультурный контекст. В нашем исследовании молодежная субкультура операционализирована через черты поколения, включающие смыслы, разделяемые группой.

Попытка классификации религиозных идентичностей через привлечение механизма саморегуляции ранее была предпринята С.Д. Лебедевым на основе диспозиционной концепции личности В.А. Ядова (Лебедев 2019: 649). Так, учитывая уровень и характер внутренних религиозных «регуляторов», он соотнес «верующих» на уровне ценностей; «верующих» на уровне базовых социальных установок (интересов); «верующих» на уровне типических реакций и «верующих» на уровне элементарных реакций» (Лебедев 2019: 649), подчеркивая, что «идеальный религиозный тип» отличается сбалансированным сочетанием всех названных уровней и редко встречается в социальной реальности. Данный опыт теоретизирования отчасти совпадает по направлению с нашей концептуализацией исследования религиозной самоидентификации молодежи как субъектного выбора, поддержанного социокультурным механизмом воспроизводства. В этом контексте религиозная самоидентификация как таковая в своем основании имеет менее «видимые», но более значимые в данном контексте регуляторы. Источником веры выступают архетипы как «формы и образы, коллективные по своей природе, встречающиеся практически по всей земле как составные элементы мифов и являющиеся в то же самое время автохтонными индивидуальными продуктами бессознательного происхождения. Архетипические мотивы берут свое начало от архетипических образов в человеческом уме, которые передаются не только посредством традиции или миграции, но также с помощью наследственности» (Юнг 1991: 87). Коллективное бессознательное признается универсальным основанием религиозной самоидентификации индивида и группы. В. Франкл описывает феномен «вытесненной религиозности: «...человек нередко более религиозен, чем он подозревает. Часто эта подсознательная вера выступает как вытесненная религиозность» (Франкл 1990: 129). Этот феномен имеет место в среде интеллектуалов, когда индивиду неловко признаться в своей религиозности, проявить ее.

Другое значимое основание социокультурного воспроизводства религиозной самоидентификации — менталитет. Менталитет трактуется как

«глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей» (Мчедлова 2001: 190). Совокупность ценностей, мотивов, осознанных и опривыченных установок, стереотипных реакций, общих представлений об окружающем мире объединяют большие социальные группы. Названные элементы обладают определенной устойчивостью в силу их воспроизводства этносом, нацией. Однако коллективные представления и другие элементы менталитета подвергаются постоянному воздействию внешних условий. Механизм включения в структуру менталитета новых по содержанию элементов основан на их возникновении в конкретной социальной группе, а затем распространении за пределами группы. В этом контексте молодежь как группа активно продвигает иные представления о мире, образцах жизни, наделяет новыми смыслами социальные феномены. Молодежи присущи черты, отличающие ее от других возрастных групп. Эти черты менталитета молодежи мы обозначаем как «современные».

Религия — наиболее консервативная сфера современного общества, отождествление себя с ней означает непрерывную связь с прошлым или установку на данную связь. Учитывая феномен гибридизации сознания, столь распространенный в молодежной среде, предполагаем, что религиозная самоидентификация молодежи обнаружит устойчивую связь с элементами современной культуры и субкультуры. Что касается воспроизводства комплекса «опривыченных» предрасположенностей, концепции социального воспроизводства и саморегуляции жизнедеятельности молодежи позволяют рассмотреть широкий круг ее установок, выходящих за рамки религиозно-обрядовой жизни, характеризуя социальную субъектность верующей молодежи в ее «готовностях» к взаимодействию с обществом. Причем в отношении габитуальных установок верующей молодежи складывается нетипичная ситуация, если исходить из понимания П. Бурдые, акцентирующего внимание на том, что габитус «обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует “правильность” практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и эксплицитные нормы» (Бурдые 1995: 19). Однако нарушенная преемственность поколений в воспроизводстве религиозности затрудняет измерение габитуальных установок. Но уже упоминаемое свойство консервативности религии соотносимо с установками традиционной культуры, гипотетически выражающимися, например, в предпочтении коллективизма и чувственности более рациональным современным проявлениям. Отчасти это решает проблему измерения габитусов

как регуляторов социокультурного воспроизводства религиозной самоидентификации и, наоборот, исследования воспроизводства габитуальных установок через религиозную самоидентификацию.

Стереотипы в механизме социокультурного воспроизводства по потенциалу преемственности и изменчивости близки к габитусам. Они, так же как и габитуальные установки, могут возобновляться и/или подвергаться корректировке новым опытом социальных взаимодействий, изменениями структуры социальной действительности. Под стереотипом понимается «относительно устойчивый и упрощенный образ социального объекта (человека, группы, явления), складывающийся в условиях дефицита информации как на основе обобщения личного опыта индивида, так и с помощью многообразных источников информации» (Чупров, Зубок, Романович 2014: 202). Религиозная самоидентификация молодежи как регулятор воспроизводства стереотипов, комплексный показатель этнокультурной, религиозной и субкультурной принадлежности предполагает отождествление себя с группой на основе представлений «мы/свои» и «они/чужие».

Методика исследования

В основе статьи — данные исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в октябре 2020 г. Возраст респондентов — от 15 до 35 лет включительно. Опрос проведен методом личного стандартизированного интервью по репрезентативной для населения России выборке в 42 населенных пунктах десяти субъектов Российской Федерации. N = 1155 человек. Отбор респондентов проведен на базе половозрастных квот, репрезентирующих российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Регионы: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием комплекса показателей, выявляющих в группах верующей, неопределившейся и неверующей молодежи носителей архетипов, ментальных и современных черт национального характера, стереотипов «свой — чужой», габитуальных установок, смыслов базовой культуры и субкультуры. Архетипы измерялись через согласие/несогласие со следующими пословицами: архетип судьбы — «Чему быть — того не миновать», архетип добра — «Добро не умрет, а зло пропадет», архетип совести — «Хоть мошна пуста, да совесть чиста», архетип правоты власти — «Где царь — тут и правда», архетип вины — «Послушание — добродетель, непослушание — грех»,

архетип славы — «Бессмертен только тот, кто славу добрую при жизни обретет», архетип спасителя — «Сколько нечисть не тешится, а придет добрый молодец и сокрушит нечестивца», архетип идеализации прошлого — «Почитая старое, обретаешь новое».

Ментальные черты национального характера россиян определялись через следующие показатели: «любовь к своему отечеству», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим», «честь, достоинство», «любовь к ближнему», «подозрительность в отношении иностранцев». Показатели современных черт национального характера: «отношение к стране просто как к месту проживания», «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать свое сочувствие», «стремление отстаивать права человека», «рационализм», «открытость ко всему иностранному». Индикаторы — «полностью разделяю», «частично разделяю», «практически не разделяю».

Стереотипы в определении человека как «своего» или «чужого» измерялись по следующим признакам: «его устремленность к высоким идеалам ради общего блага», «его стремление к собственному благополучию», «его отзывчивость, сострадательность», «его прагматичность, практичность», «его равнодушие к материальным благам», «его стремление к красивой жизни», «его скромность, застенчивость», «пренебрежение принятыми нормами, эпатаж», «то, что он одной с вами национальности», «то, что он представитель другого этноса». Индикаторы — «расположение», «скорее расположение», «скорее недоверие», «недоверие»

Габитусы анализировались на основе оценок респондентов своих установок на активную жизненную позицию, пассивную жизненную позицию, коллективизм, индивидуализм, чувственность, расчетливость. Индикаторы — «присущ/-а в большой степени», «присущ/-а в малой степени», «не присущ/-а».

Принадлежность к базовым типам культуры рассматривалась на основе того, в какой степени респондентов характеризуют («характеризуют в полной мере», «не полностью характеризуют», «совсем не характеризуют») следующие черты-признаки: «высокая активность, предприимчивость» (инновационный тип культуры), «преобразование себя», «здоровый образ жизни, культ здоровья, культура тела» (культура физического развития), «духовность, стремление к добру, к внутренней красоте, любви, вере» (духовная культура), «стремление получить от жизни как можно больше удовольствий сегодня и сейчас, жизнь коротка» (гедонистический тип культуры), «необходимость экономить во всем, приспособиться к изменяющимся условиям» (адаптационный тип культуры), «отрицание моральных норм, у каждого — своя мораль» (культура моральной аномии).

Субкультурные смыслы как поколенческие черты измерялись также по самооценке: «стремление самовыразиться, быть непохожим на других», «рост патриотических настроений», «стремление к объединению со сверстниками», «быть на связи» и др. (см. табл. 8).

Как правило, в исследовании процессов социокультурного воспроизводства используются данные мониторинга, охватывающие разные поколения молодежи в динамике. В статье представлены результаты исследования социокультурного воспроизводства на основе сравнения разных возрастных групп внутри одного поколения. Данный метод представляется допустимым в условиях расширения возрастных границ исследуемой группы¹.

Религиозная самоидентификация как регулятор воспроизводства бессознательных элементов социокультурного механизма саморегуляции

В процессе анализа эмпирических данных выделены три группы молодежи на основании ответов на вопрос «Верите ли вы в Бога?»: верующие², колеблющиеся³, неверующие. В исследовательской практике колеблющихся, как правило, относят к неверующему населению. В рамках предпринятого анализа неопределившиеся с субъектным выбором, безусловно, представляют интерес. Однако анализ сфокусирован на религиозной самоидентификации как регуляторе воспроизводства глубинных констант культуры, группы неверующих и неопределившихся необходимы для сравнения.

Соотношение выделенных групп представлено следующим образом: верующие — 45,3 %, колеблющиеся — 35,6 %, и неверующие — 19,1 %. В группе верующих некоторый перевес женщин и «старшей» молодежи от 25 до 35 лет, в группе неверующих — мужчин и «младшей» молодежи от 15 до 24 лет (табл. 1). Большая часть молодежи (65 %) отождествляет себя с православием, 10 % — с исламом, 22 % отказались идентифицироваться с конкретной религией, подтвердив свое неверие, и 3 % распре-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=lhw2riwu22800994370> (дата обращения: 14.11.2022).

² Здесь и далее мы называем их верующими, понимая, что за этим ответом скрывается и декларация этнокультурной принадлежности, и подлинная религиозность (воцерковленность).

³ В группу колеблющихся объединены респонденты, ответившие «скорее верю» и «скорее не верю».

делились между другими религиями. Подобное преобладание конфессиональной идентичности над религиозной и является основанием для утверждения о культурной доминанте в отождествлении себя с верующими или неверующими людьми, которое активно обсуждается в научном дискурсе (Синелина 2006). Среди верующих 82 % соотносят себя с православием, 15,5 % — с исламом, 2,5 % — представители иных конфессий.

Доля верующей молодежи чуть выше среди жителей районных городов (50,2 %), чем крупных городов (44,3 %) и сельской местности (41,4 %). Неверующая молодежь более равномерно распределена по типам поселения: 20,4 % — в крупных городах, 18 % — в районных городах, 17,2 % — в селах и деревнях. Доля колеблющихся больше среди сельской молодежи (41,4 %), в областных центрах и районных городах — соответственно 35,3 и 31,2 %.

Таблица 1

Связь демографических характеристик и религиозной самоидентификации, %

Демографические характеристики		Группы молодежи			Итого
		Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	
Пол	Мужской	41,7	34,5	23,8	100,0
	Женский	48,8	36,7	14,6	100,0
Возраст	15–17 лет	41,4	34,4	24,1	100,0
	18–24 года	40,3	34,9	24,7	100,0
	25–29 лет	49,3	34,3	16,3	100,0
	30–35 лет	49,8	38,2	12,0	100,0
В целом по выборке		45,3	35,6	19,1	100,0

Возрастные границы опрошенной молодежи, а также доли респондентов, идентифицирующих себя как верующих (табл. 1), позволяют объединить их в две группы: 1 группа — от 15 до 24 лет, 2 группа — от 25 до 35 лет.

Анализ по объединенным переменным демонстрирует связи религиозной самоидентификации молодежи с названными компонентами в поколенческом аспекте. Важно понять, насколько распространены архетипы, ментальные и современные черты национального характера россиян, габитусы, стереотипы «свой — чужой» в разных возрастных группах верующей молодежи.

Распределение архетипов по корреляционной матрице трехмерного анализа данных показывает, что в группах верующей молодежи преоб-

ладают носители архетипов по сравнению с неверующими и в меньшей степени колеблющимися (табл. 2). Среди 25–35-летних верующих 86,9 % разделяют архетип идеализации прошлого, который соотносят не только с предубеждением к различным новшествам, патриархальной архаикой и авторитаризмом, но и с чувствительным отношением к прошлому как части общей истории и культуры. Среди неверующих этой же возрастной группы таких 64,7 % (табл. 2). Наиболее значимое различие наблюдается по архетипу совести как способности испытывать стыд в ситуациях, признаваемых недопустимыми: в группе 25–35-летних верующих носителей данного архетипа 74,8 %, в группе неверующей молодежи вдвое меньше — 37,6%.

Аналогичное соотношение и по архетипу вины, который часто связывают с зависимостью, покорностью, ослаблением воли, в группе 15–24-летних: среди верующих его разделяют 56 %, среди неверующих — 27,2 %. И в группах 25–35-летних резкое различие по архетипу вины сохраняется: среди верующих — 59,1 %, среди неверующих — 31,8 %.

Архетип добра как источник оптимизма и долготерпения не только значительно дифференцирует верующих и неверующих в обеих возрастных группах (различия от 23 % до 26 %), но и, по сути, раскалывает неверующих разных возрастных групп на равные части. В группах 15–24-летних неверующих по 42,6 % разделяют и не разделяют этот архетипический общекультурный смысл, а среди 25–35-летних — соответственно по 40 %.

Значимые различия между возрастными группами верующих и неверующих зафиксированы и по отношению к архетипу судьбы, понимаемому как фатализм и отказ от ответственности за свою жизнь (18–20 %), по распространению архетипа спасителя, проявляющегося как вера в мессию (14–20 %), архетипа славы, который связывают с героическим самопожертвованием (12–15 %). На этом фоне исключение составляет архетип правоты власти, отсылающий к идее ее сакральности и признанию безусловной мудрости. Этот архетип присущ 34,2 % верующих и 29,4 % неверующих возрастной группы 25–35-летних, но более значимо он разделит верующих и неверующих в группах 15–24-летних — соответственно 34,2 и 20,6 %. В целом архетип власти характеризуется меньшим распространением и сужающимся воспроизводством. Колеблющиеся в большинстве случаев занимают срединное положение между верующими и неверующими.

В группе верующих намечается тенденция к сужению воспроизводства трех архетипов. Так, несмотря на высокое значение архетипа идеализации прошлого, разделяемого подавляющим большинством респондентов, в группе 15–24-летних его уровень ниже, чем у 25–35-летних (80,6 и 86,9 %),

архетипа совести (соответственно 68 и 74,8 %) и архетипа добра (65,8 и 75,8 %). При устойчивом воспроизведении этих культурных констант, относящихся к мировоззренческим образцам традиционной, но необязательно религиозной культуры, видны проявления современного рационализма. Наиболее заметно это выразилось в части группы неверующих, отвергающих архетип добра. Остальные архетипы воспроизводятся в логике простого воспроизводства.

Что касается распространения таких ментальных черт национально-го характера, как «честь, достоинство», «любовь к ближнему», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим», то они являются универсальными для молодежи (табл. 3). Объединив в одну группу тех, кто разделяет их полностью или частично, а во вторую тех, кто практически не разделяет, видим, что во всех группах абсолютное большинство респондентов оказываются носителями этих черт. Однако выраженных носителей («полностью разделяют») значимо больше среди верующих, чем неверующих. Так, полностью разделяют «честь, достоинство» среди верующих 75,6 % в группе 15–24-летних и 84,2 % — в группе 25–35-летних; среди неверующих соответственно — 62,5 и 67,1 %. Выраженных носителей черты «любовь к ближнему» среди верующих 76,4 % в младшей и 80,2 % — в старшей группе, а среди неверующих — по 64 %; разделяющих «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим» среди верующих соответственно 66,2 и 68,1 %, а среди неверующих — 47,8 и 57,6 %.

Верующие и неверующие разделились в своем отношении к стране. В целом ментальную черту «любовь к отечеству» разделяет абсолютное большинство молодых верующих (95 %). Среди неверующих этот показатель тоже высокий и составляет 84,6 % в группе 15–24-летних и 82,4 % — в группе 25–35-летних. Но наибольшая дифференциация наблюдается по воспроизводству этой черты выраженными ее носителями, т.е. теми, кто разделяет ее в полной мере. Так, среди верующих доля молодых людей, в полной мере разделяющих «любовь к отечеству», составила 64,9 % в группе 15–24-летних и 70,1 % среди 25–35-летних. Среди неверующих — соответственно 39,7 и 41,2 %. Как и в ситуации с воспроизводством архетипов, выявляются разные тенденции: высокая степень воспроизводства ментальных черт и сочетание тенденций к суженному воспроизводству с простым.

В отношении такой черты, как подозрительность к иностранцам, во всех выделенных группах зафиксирована тенденция возрастных различий: в группах 15–24-летних ее воспроизводят 54–55,0 %, в группах 25–35-летних — от 62,4 % среди неверующих, 63,1 % среди верующих до 67,9 % среди колеблющихся, т.е. «младшие» меньше репродуцируют эту

черту, чем старшие. Доли выраженных носителей подозрительности к иностранцам либо различаются незначительно (в группах 15–24-летних — 16,4 и 11,8 %), либо совпадают (в группах 25–35 летних — 22,1 % среди верующих и 22,4 % среди неверующих).

Современные черты национального характера, находясь в смысловой оппозиции к ментальным, в полной мере обнаруживают противоречивость сознания молодежи. Так, при отличии верующей молодежи обеих групп от остальной молодежи по восприятию страны всего лишь как «места проживания» (15–24-летние — 72,9 % и 25–35-летние — 70,8 %, соответственно в группах неверующих — 82,7 и 85,9 %, в группах колеблющихся — 80,3 и 82,4 %) отмечается распространение этой черты среди большинства верующих. Выделение подгруппы выраженных ее носителей также свидетельствует о простом воспроизводстве в группе верующих (15–24-летние — 35,4 %, 25–35-летние — 32,2 %) и о суженном в группе неверующих (15–24-летние — 33,3 %, 25–35-летние — 51,8,2 %).

В группе верующих явно обозначается тенденция к расширенному воспроизводству 15–25-летними респондентами открытости ко всему иностранному (84,0 %). И в этом случае младшие группы совпадают по доле носителей со всеми остальными выделенными группами (табл. 4). Но и в группе 25–35-летних доля ее сторонников составила значительные 76,2 %. Данная тенденция сохраняется и в воспроизводстве этой черты выраженными носителями. Так, среди верующих полностью разделяют открытость ко всему иностранному 38,2 % 15–25-летних и 24,5% 25–35-летних.

Простое воспроизводство зафиксировано в группе верующих по отношению к следующим современным чертам: «жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать свое сочувствие» (15–24-летние — 77,8 % и 25–35-летние — 78,2 %), среди выраженных носителей — соответственно 40 и 38,9 %; «рационализм» (15–24-летние — 90,2 % и 25–35-летние — 89,3 %), среди выраженных носителей — 46,7 и 52 %.

Неверие обозначает тенденцию к суженному воспроизводству молодежью такой черты, как жалостливость (среди 15–25-летних ее разделяют 72,1 %, среди 25–35-летних — 77,8 %), в этом случае «старшая» группа совпадает по доле носителей со всеми остальными выделенными группами. В этой же логике неверующими воспроизводится и рационализм: среди 15–25-летних — 85,3 %, среди 25–35-летних — 94,1 %. Выраженные носители жалостливости демонстрируют простое воспроизводство (соответственно 29 и 31 %), а вот рационализм» полностью разделяют 41,2 % 15–24-летних и 56,5 % 25–35-летних, что вероятно, регулируется жизненным опытом, больше располагающим к рационализму.

Таблица 2

Связь религиозной самоидентификации, возраста и архетипов, %

Группы молодежи	Возраст	Архетипы															
		Идеализации прошлого		Судьбы		Совести		Добра		Славы		Спасителя		Вины		Власти	
		Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют	Разделяют	Не разделяют
Верующие	15-24	80,9	8,4	76,4	17,8	68,0	16,4	65,8	24,4	67,6	23,1	61,3	18,2	56,0	33,3	34,2	50,2
	25-35	86,9	5,7	77,9	16,8	74,8	15,1	75,8	15,8	69,1	19,1	64,4	23,5	59,1	27,5	34,2	53,7
Коллеблющиеся	15-24	68,4	19,2	65,8	27,5	57,0	26,4	59,6	28,4	51,3	32,6	46,1	31,1	31,1	48,2	20,2	66,8
	25-35	72,0	17,9	64,7	24,3	63,3	20,6	57,5	32,6	64,7	22,5	55,5	30,7	36,7	46,8	24,3	61,9
Неверующие	15-24	66,2	22,1	56,6	35,3	56,6	26,5	42,6	42,6	52,2	33,8	41,2	42,6	27,2	56,6	20,6	65,4
	25-35	64,7	23,5	60,0	24,7	37,6	40,0	40,0	40,0	56,5	29,4	50,6	29,4	31,8	52,9	29,4	57,6
В целом по выборке		75,8	14,0	69,3	22,9	63,5	21,5	61,2	27,6	62,1	25,3	55,3	27,8	43,8	41,0	28,1	58,4

Примечание: данные приведены без учета затруднившихся ответить на вопрос о разделении архетипа.

Таблица 3

Связь религиозной самоидентификации, возраста и ментальных черт, %

Группы молодежи	Возраст	Ментальные черты									
		Честь, достоинство		Любовь к ближнему		Любовь к отечеству		Милосердие, проявляющиеся в готовности помогать другим		Подозрительность в отношении к иностранцам	
		Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют
Верующие	15-24	94,6	3,1	96,0	4,0	95,6	4,4	95,6	4,4	55,1	44,9
	25-35	97,7	2,3	96,0	4,0	95,3	4,7	97,0	3,0	63,1	36,9
Коллеблющиеся	15-24	98,4	1,6	96,9	3,1	93,8	6,2	96,4	3,6	55,4	44,6
	25-35	97,2	2,8	98,2	1,8	94,5	5,5	96,3	3,7	67,9	32,1
Неверующие	15-24	92,6	7,4	94,9	5,1	84,6	15,4	91,9	8,1	54,4	45,6
	25-35	96,5	3,5	97,6	2,4	82,4	17,6	94,1	5,9	62,4	37,6
В целом по выборке		96,9	3,1	96,5	3,5	92,7	7,3	95,7	4,3	60,1	39,9

Примечание: столбец «разделяют в той или иной степени» представляет сумму данных шкальных позиций «полностью разделяю» и «частично разделяю».

Таблица 4

Связь религиозной самоидентификации, возраста и современных черт, %

Группы молодежи	Возраст	Современные черты						Открытость ко всему иностранному			
		Жалостливость, выражающаяся в стремлении продемонстрировать свое сочувствие	Отношение к стране просто как к месту проживания	Стремление отстаивать права человека	Рационализм	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют	Разделяют в той или иной степени	Практически не разделяют		
Верующие	15-24	77,8	22,2	72,9	27,1	96,0	4,0	90,2	9,8	84,0	16,0
	25-35	78,2	21,8	70,8	29,2	96,0	4,0	89,3	10,7	76,2	23,8
Коллеблющиеся	15-24	76,2	23,8	80,3	19,7	94,3	5,7	91,7	8,3	86,5	13,5
	25-35	77,1	22,9	82,4	21,6	97,7	2,3	94,5	5,5	82,5	18,5
Неверующие	15-24	72,1	27,9	82,7	21,3	92,6	7,4	85,3	14,7	83,8	16,2
	25-35	77,6	22,4	85,9	14,1	92,6	7,4	94,1	5,9	88,2	11,8
В целом по выборке		76,8	23,2	76,3	23,7	95,6	4,4	90,7	9,3	82,2	17,8

Примечание: столбец «разделяют в той или иной степени» представляет сумму данных шкальных позиций «полностью разделяю» и «частично разделяю».

Современная черта «стремление отстаивать права человека» унифицирует выделенные группы молодежи, указывая на ее общую высокую значимость для молодого поколения. Она имеет тотальное распространение как в обеих группах неверующих (92,6 %), так и в группах верующих (96 %). Выраженные носители названной черты также имеют незначительные различия в ее воспроизводстве: среди верующих 15–24 лет — 70,7 %, 25–35 лет — 73,5 %, среди неверующих — соответственно 66,9 и 69,4 %.

Стереотипы как упрощенные, схематические образы «своих» и «чужих», представляя комплекс бессознательных элементов социокультурного механизма воспроизводства религиозной самоидентификации молодежи, в процессе ее жизнедеятельности, как подчеркивалось ранее, подвергаются корректировке новым опытом социальных взаимодействий, имеющим групповую специфику. Среди измеренных стереотипов (свойств «своего») ряд схематических образов, традиционно связанных с православной культурой: «устремленность к высоким идеалам ради общего блага», «отзывчивость, сострадательность», «равнодушие к материальным благам», «скромность, застенчивость». Гипотетически эти свойства «своего» в большей степени должны воспроизводиться верующими. Однако эмпирическая реальность дает более сложную картину.

Абсолютное большинство представителей всех выделенных групп с незначительными отклонениями от среднего значения по массиву «своим» считают человека, обладающего противоречивыми свойствами («отзывчивость, сострадательность» — в целом по выборке 92,5 %, «прагматичность, практичность» — 89 %) и принадлежащего к «одной национальности» (91,8 %). Верующие демонстрируют простое воспроизводство стереотипа «своего» человека, наделенного скромностью и застенчивостью (соответственно 78,2 и 81,2 %). В группе неверующих — тенденция к расширенному воспроизводству: он «свой» для 80,2 % 15–24-летних и 74,1 % 25–35-летних, т.е. «младшие» неверующие близки в этих оценках к верующим. В группе колеблющихся — тенденция к суженному воспроизводству по данному показателю (соответственно 73,5 и 80,2 %).

В рамках дихотомического анализа религиозная самоидентификация дифференцирует молодежь по отношению к стереотипам «свой — чужой» (табл. 5). Так, в группе верующих выявлена тенденция к расширенному воспроизводству надления признаком «своего» человека, характеризующегося «стремлением к красивой жизни» — 78,5 %, среди 15–24-летних респондентов и 71,5 % среди 25–35-летних. Неверующие и колеблющиеся демонстрируют простое воспроизводство и по значениям близки к 25–35-летним верующим. Это косвенное свидетельство того, что вера

Таблица 5

Связь религиозной самоидентификации, возраста и стереотипов «свой»/ «чужой», %

Группы молодежи	Возраст	Стереотипы («свой» / «чужой»)									
		Его устремленность к высоким идеалам, ради общего блага		Его стремление к собственному благополучию		Его отзывчивость, сострадательность		Его прагматичность, практичность		Его равнодушие к материальным благам	
		Расположение	неверие	Расположение	неверие	Расположение	неверие	Расположение	неверие	Расположение	неверие
Верующие	15–24 года	86,2	13,8	80,0	20,0	93,3	6,7	88,9	11,1	61,8	38,2
	25–35 лет	78,9	21,1	72,2	27,8	92,0	8,0	87,5	12,5	51,3	48,7
Коллеблющиеся	15–24 года	81,3	18,7	77,2	22,8	90,6	9,4	90,6	9,4	65,8	34,2
	25–35 лет	76,6	23,4	74,8	25,2	93,1	6,9	88,1	11,9	58,2	41,8
Неверующие	15–24 года	79,4	21,3	81,6	18,4	95,6	4,4	91,9	8,1	61,5	38,5
	25–35 лет	80,0	20,0	70,6	29,4	89,4	10,6	88,6	11,4	65,8	34,2
В целом по выборке		80,4	19,6	76,1	23,9	92,5	7,5	89,0	11,0	59,4	40,6

Окончание таблицы 5
Связь религиозной самоидентификации, возраста и стереотипов «свой»/ «чужой», %

Группы молодежи	Возраст	Стереотипы («свой» / «чужой»)									
		Его стремление к красивой жизни		Его скромность, застенчивость		Пренебрежение принятыми нормами, эпатаж		То, что он одной с Вами национальности		То, что он представитель другого этноса	
Верующие	15–24 года	расположение	неверие	расположение	неверие	расположение	неверие	расположение	неверие	расположение	неверие
	25–35 лет	78,7	21,3	78,2	21,8	42,7	57,3	93,4	6,6	78,2	21,8
Коллеблющиеся	15–24 года	71,5	28,5	81,2	18,8	37,6	62,4	94,0	6,0	67,8	32,2
	25–35 лет	72,5	27,5	73,5	26,5	41,4	58,6	87,1	12,9	75,7	24,3
Неверующие	15–24 года	69,3	30,7	80,2	19,8	33,9	66,1	92,6	7,4	70,1	29,9
	25–35 лет	69,8	30,2	80,2	19,8	41,2	58,8	92,0	8,0	78,7	21,3
В целом по выборке	15–24 года	67,0	33,0	74,1	25,9	47,1	52,9	87,1	12,9	71,2	28,8
	25–35 лет	72,1	27,9	78,5	21,5	39,7	60,3	91,8	8,2	72,4	27,6

Примечание: столбец «расположение» включает сумму данных по шкальным позициям «расположение» и «скорее расположение», столбец «неверие» — по шкальным позициям «неверие» и «скорее неверие».

в бога адаптируется молодежью под собственные потребности, и религиозная самоидентификация какой-то части опрошенных молодых людей есть поиск и проба себя. Подобная религиозность не соотносится с конфессиональными доктринами и, скорее всего, слабо коррелирует с религиозными практиками самоограничения и тем более аскезой.

Описанная дифференциация внутри группы верующих проявилась и в отношении «равнодушия к материальным благам» как черты «своего» человека. Он «свой» для 61,8 % 15–24-летних и для 51,3 % 25–35-летних. С одной стороны, «младшие» верующие более ориентированы на человека, равнодушного к материальным благам, что соотносимо с религиозной этикой, но противоречит «стремлению к красивой жизни», с другой — внутри группы «старших» верующих, по сути, наблюдается раскол в определении «своего — чужого» по названному признаку. Это подтверждение того, что социокультурные основания религиозной самоидентификации молодежи не только разнообразны, но и амбивалентны. В группе колеблющихся доля 15–24-летних ориентированных на признание человека, равнодушного к материальным благам, как «своего», также больше (65,8 %), чем среди 25–35-летних (58,2 %). Среди неверующих — простое воспроизводство, соответственно 61,5 и 65,8 %, по значениям они сближаются с младшими верующими.

Данные свидетельствуют о том, что ряд стереотипов воспроизводится верующими и неверующими по одной схеме, в которой роль регулятора играет возраст. Его влияние не всегда радикально, но заметно. Так, в отношении «представителя другого этноса» обнаружены следующие реакции: 15–24-летние верующие и неверующие чаще воспринимают представителей других этносов как «своих» (соответственно 78,3 и 78,7 %) по сравнению с 25–35-летними (соответственно 67,8 и 71,2 %). Человек, стремящийся к собственному благополучию, является «своим» в равной степени для верующей и неверующей молодежи. Среди верующих 15–24-летних 80 % считают его «своим», среди 25–35-летних — 72,2 %, среди неверующих — соответственно 81,6 и 70,6 %. И колеблющиеся близки к ним по значениям.

В группе верующих намечается тенденция к суженному воспроизводству восприятия человека, пренебрегающего принятыми нормами, склонного к эпатажу как «чужого» (15–24-летние — 57,3 %, 25–35-летние — 62,4 %), в группе неверующих, наоборот, — к расширенному (соответственно 58,8 и 52,9 %). В этом случае колеблющиеся в своих стереотипах ближе к верующим.

Что касается габитуальных установок, то в нашем исследовании не измерялись специфические предрасположенности, связанные с религиозным

поведением и религиозными практиками. Предположение, что в группе верующих будет больше носителей габитусов коллективизма и чувственности, установок свойственных представителям традиционной культуры, подтвердилось частично.

Практически все измеренные габитуальные установки имеют высокое значение и тотальное распространение среди молодежи (от 88,8 % предрасположенных к коллективизму до 94,0 % — к проявлению активной жизненной позиции) (табл. 6). В рамках дихотомического анализа выяснилось, что для верующей молодежи характерно простое воспроизводство габитуальных установок. В группе неверующих простое воспроизводство зафиксировано в отношении чувственности (15–24-летние — 88,2 %, 25–35-летние — 83,5 %) и пассивной жизненной позиции (соответственно 61,8 и 67,1 %). Расширенное же воспроизводство или тенденции к нему наблюдаются по следующим установкам: на коллективизм (15–24-летние — 86 %, 25–35-летние — 72 %), индивидуализм (соответственно 90,4 и 80 %), активную жизненную позицию (соответственно 95,6 и 87,1 %). Младшие» неверующие по характеру воспроизводства габитуальных установок проявили некоторое сходство с верующими. Возможно, это говорит о том, что процессы саморегуляции воспроизводства движутся по ряду показателей к общим социокультурным основаниям, сближая молодежь независимо от религиозной самоидентификации. Среди колеблющихся тенденция к суженному воспроизводству проявляется по показателю их предрасположенности к активной жизненной позиции (15–25-летние — 91,2 %, 25–35-летние — 97,7 %), и, напротив, тенденция к расширенному воспроизводству габитуса пассивной жизненной позиции (соответственно 70,5 и 58,3 %).

Однако эмпирическая картина меняется при выявлении выраженных носителей габитусов. Так, среди верующих обнаружена тенденция к расширенному воспроизводству установок на активную жизненную позицию, «присущую в большой степени» (15–24-летние — 75,6 %, 25–35-летние — 67,4 %), «индивидуализм» (соответственно 54,2 и 45,6 %), «расчетливость» (соответственно 48,9 и 34,9 %), т.е. габитусов, соотносимых с современной культурой. Простое воспроизводство сохраняется в отношении чувственности (15–24-летние — 68 %, 25–35-летние — 64,8 %), коллективизма (соответственно 52,9 и 48,7 %), пассивной жизненной позиции (соответственно 9,8 и 12,8 %). Выраженные носители значимо преобладают в группах верующих в сравнении с неверующими по предрасположенности к активной жизненной позиции (разница в подгруппах 15–24-летних составила 22 %, 25–35-летних — 17 %), к коллективизму (соответственно 15 и 9 %), чувственности (10 и 15 %).

Таблица 6

Связь религиозной самоидентификации, возраста и габитусов, %

Группы молодежи	Возраст	Габитуальные установки											
		Активная жизненная позиция		Пассивная жизненная позиция		Коллективизм		Индивидуализм		Расчетливость		Чувственность	
		Присуща в той или иной степени	Не присуща	Присуща в той или иной степени	Не присуща	Присуща в той или иной степени	Не присуща	Присуща в той или иной степени	Не присуща	Присуща в той или иной степени	Не присуща	Присуща в той или иной степени	Не присуща
Верующие	15-24 года	94,7	5,3	54,7	45,3	91,6	8,4	90,2	9,8	92,4	7,6	94,2	5,8
	25-35 лет	94,0	6,0	57,0	43,0	90,3	9,7	91,6	8,4	94,0	6,0	94,0	6,0
Коллеблющиеся	15-24 года	91,2	8,8	70,5	29,5	90,2	9,8	91,7	8,3	93,8	6,2	91,7	8,3
	25-35 лет	97,7	2,3	58,3	41,7	86,2	13,8	94,0	6,0	88,5	11,5	92,2	7,8
Неверующие	15-24 года	95,6	4,4	61,8	38,2	86,0	14,0	90,4	9,6	89,0	11,0	88,2	11,8
	25-35 лет	87,1	12,9	67,1	32,9	72,0	28,0	80,0	20,0	84,7	15,3	83,5	16,5
В целом по выборке		94,0	6,0	60,3	39,7	88,8	11,2	90,8	9,2	89,3	10,7	91,9	8,1

Примечание: столбец «присущи в той или иной степени» представляет сумму данных по шкальным позициям «присущ(-а) большой степени» и «присущ(-а) в малой степени».

Среди неверующих выраженные носители габитусов демонстрируют тенденции к простому воспроизводству активной жизненной позиции (15–24-летние — 53,7 %, 25–35-летние — 50,6 %), коллективизма (соответственно 37,5 и 40 %), пассивной жизненной позиции (соответственно 14 и 18,8 %). Тенденции к расширенному воспроизводству отмечены в отношении индивидуализма (15–24-летние — 52,2 %, 25–35-летние — 41,2 %), чувственности (соответственно 58,1 и 49,4 %) и, напротив, к суженному воспроизводству в отношении расчетливости (соответственно 47,1 и 55 %). Колеблущиеся ближе к неверующим по выраженным габитуальным установкам либо занимают срединную позицию между верующими и неверующими.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что верующие молодые люди выделяются большими долями носителей архетипов по сравнению с неверующими и колеблущимися. В большинстве случаев они воспроизводят архетипы в логике простого воспроизводства. Тенденция к суженному воспроизводству проявилась в отношении архетипов идеализации прошлого, совести и добра.

Выраженные носители — представители группы верующих наиболее значимо дифференцируются от неверующих по воспроизводству следующих ментальных черт национального характера в порядке убывания: «любовь к отечеству», «честь, достоинство», «любовь к ближнему», «милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим». Как и в случае архетипов, наблюдаются простое воспроизводство и тенденции к суженному. «Подозрительность по отношению к иностранцам» имеет тенденцию к сужению ее воспроизводства во всех выделенных групп. Религиозная идентичность не дифференцирует молодежь по этому признаку.

Нарастание значения современной черты «открытость ко всему иностранному» выразилась в тенденции к ее расширенному воспроизводству в группе верующих, что делает ее схожей с обеими возрастными группами неверующих и колеблущихся. А «стремление отстаивать права человека» универсально для всех групп. В целом современные черты национального характера обнаруживают противоречивость сознания молодежи, которое усиливается стереотипами «своего — чужого».

«Своим» большинство представителей выделенных групп считают человека, обладающего противоречивыми свойствами: отзывчивостью, сострадательностью, скромностью, застенчивостью и в то же время прагматичностью, практичностью, стремящегося к собственному благополучию, принадлежащего к одной национальности. Расширенное воспроизводство стереотипов «своего» как представителя другого этноса и стремящегося к собственному благополучию — тенденция, характерная

как для верующих, так и для неверующих. Вместе с этим во всех выделенных группах обнаружена тенденция к сужению воспроизводства стереотипного признака «чужого» как человека, пренебрегающий принятыми нормами и склонного к эпатажу, что, впрочем, может объясняться возрастными особенностями.

Габитусы коллективизма, индивидуализма, активной жизненной позиции, чувственности и расчетливости скорее объединяют представителей анализируемых групп молодежи. Меньше всего воспроизводится габитус пассивной жизненной позиции, но тем не менее он присущ большинству респондентов. Выраженные носители габитусов среди верующей молодежи демонстрируют сочетание простого воспроизводства установок, связываемых с традиционной культурой (чувственность, коллективизм, пассивная жизненная позиция), и тенденций к расширенному воспроизводству предрасположенности к социокультурным образцам, соотносимым с современной культурой (активная жизненная позиция, индивидуализм и расчетливость). В группе неверующих отражены более сложные, нелинейные варианты воспроизводства: преемственность коллективизма, активной и пассивной жизненной позиций комбинируется с расширенным воспроизводством индивидуализма и чувственности и суженным воспроизводством расчетливости.

Религиозная самоидентификация в воспроизводстве смысловых компонентов культуры

Молодежь в той или иной степени наследует характерные черты, являющиеся проекцией разных типов культуры и определяющие смысловую основу саморегуляции. В них отражаются, во-первых, связи молодого поколения с доминирующей культурой и общим для других социально-демографических групп культурным контекстом, во-вторых, социокультурные отличия от этих групп и внутренняя дифференциация поколения (Зубок, Чупров 2020). Рассмотрим, как связана религиозная самоидентификация с их воспроизводством.

Как показывает используемый нами дихотомический анализ, верующая молодежь демонстрирует простое воспроизводство большинства смысловых компонентов базовых типов культуры (табл. 7). Так, по самооценке свыше 90 % верующих респондентов их характеризует инновационная культура, предполагающая высокую активность, предприимчивость; культура физического развития, которая отражает потребность молодых людей в совершенствовании своего тела, здоровом образе жизни; духовная культура, традиционную основу которой составляет классическая общекультурная триада «истина — добро — красота», подразумевающая поиск

Таблица 7

Связь религиозной самоидентификации, возраста и базовых типов культуры, %

Группы молодежи	Возраст	Базовые типы культур											
		Инновационная		Культура физического развития		Духовная культура		Гедонистическая культура		Адаптационная культура		Культура моральной аномии	
		Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует
Верующие	15–24 года	97,8	2,2	94,2	5,8	96,9	3,1	92,4	7,6	86,6	13,3	78,2	21,8
	25–35 лет	94,3	5,7	93,0	7,0	96,6	3,4	84,9	15,1	86,6	13,4	77,2	22,8
Коллеблющиеся	15–24 года	96,4	3,6	92,7	7,3	93,3	6,7	91,7	8,3	82,4	17,6	76,2	23,8
	25–35 лет	95,4	4,6	93,1	6,9	90,4	9,6	85,9	16,1	85,3	14,7	74,8	25,2
Неверующие	15–24 года	91,9	8,1	87,5	12,5	84,6	15,4	89,7	10,3	78,7	21,3	84,5	15,5
	25–35 лет	91,8	8,2	85,5	14,5	78,8	21,2	87,1	12,9	81,2	18,8	80,0	20,0
В целом по выборке		95,1	4,9	92,0	8,0	92,2	7,8	88,1	11,9	84,3	15,7	77,8	22,2

Примечание: столбец «характеризует в той или иной мере» представляет сумму данных по «характеризует в полной мере» и «не полностью характеризует».

Таблица 8

Связь религиозной самоидентификации, возраста и поколенческих черт, %

Группы молодежи	Возраст	Поколенческие черты									
		Стремление самовыразиться, быть непохожим на других		Рост патриотических настроений		Стремление к объединению со сверстниками. «Быть на связи»		Противостояние «свои — чужие»		Самоощущение избранности, исключительности	
		Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует		
Верующие	15–24 года	92,9	7,1	85,8	14,2	94,7	5,3	71,1	28,9	78,7	21,3
	25–35 лет	89,6	10,4	81,2	18,8	94,6	5,4	71,1	28,9	74,2	25,8
Коллеблющиеся	15–24 года	93,3	6,7	76,7	23,3	92,7	7,3	59,6	40,4	71,0	29,0
	25–35 лет	94,0	6,0	78,0	22,0	92,2	7,8	65,6	34,4	73,4	26,6
Неверующие	15–24 года	92,6	7,4	68,4	31,6	86,8	13,2	65,4	34,6	72,8	27,2
	25–35 лет	82,4	17,6	60,0	40,0	84,8	15,2	65,9	34,1	67,1	32,9
В целом по выборке		91,5	8,5	77,7	22,3	92,2	7,8	67,1	32,9	73,7	26,3

Примечание: столбец «характеризует в той или иной мере» представляет сумму данных по «характеризует в той или иной мере» и «не полностью характеризует».

Окончание таблицы 8
Связь религиозной самоидентификации, возраста и поколенческих черт, %

Группы молодежи	Возраст	Поколенческие черты							
		Быть в центре внимания, эпатировать окружающих		Протест против официоза, бунтарство		Бегство от действительности. Уход в себя. Создание собственного мира		Свобода без ограничений, в т.ч. сексуальная свобода	
		Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует	Характеризует в той или иной мере	Совсем не характеризует		
Верующие	15–24 года	76,9	23,1	56,9	43,1	48,9	51,1	59,6	40,4
	25–35 лет	63,4	36,6	59,7	40,3	48,3	51,7	53,7	46,3
Коллеблющиеся	15–24 года	70,5	29,5	62,7	37,3	67,2	36,8	71,5	28,5
	25–35 лет	65,6	34,4	65,1	34,9	58,3	41,7	64,7	35,3
Неверующие	15–24 года	77,6	32,4	77,6	32,4	64,7	35,3	72,8	27,2
	25–35 лет	60,0	40,0	58,8	41,2	62,4	37,6	61,2	38,8
В целом по выборке		77,9	32,1	69,6	38,4	65,8	44,2	62,7	37,3

Примечание: столбец «характеризует в той или иной мере» представляет сумму данных по «характеризует в полной мере» и «не полностью характеризует».

высших духовных смыслов молодым человеком в разных сферах жизнедеятельности, не только в религии.

Духовная культура характеризует в той или иной мере всех верующих респондентов независимо от возрастной группы (свыше 90 %). Доля носителей духовной культуры среди неверующих ниже, но это также абсолютное большинство представителей этой группы молодежи (15–24-летние — 84,6 %, 25–35-летние — 78,8 %). Как видно, и здесь намечается тенденция к расширенному воспроизводству названных смыслов духовной культуры в младших возрастных группах. Колеблющиеся по этим характеристикам ближе к верующим. Это представляется обоснованным аргументом в пользу утверждения о том, что феномен духовности в молодежной среде связан не только с религиозностью. Понимание духовности в обществе, особенно в современном глобальном, частью которого молодежь является, определяется распространением многообразия религиозных (традиционных и нетрадиционных) и нерелигиозных форм духовности (этических, эстетических и т.д.) (Зубок, Яковук 2008; Руткевич 2021).

Простое воспроизводство верующими наблюдается и в отношении смыслов адаптационной культуры, включающей приспособление к изменяющейся реальности на основе экономии средств (по 86,6 % в обеих группах), и в отношении культуры моральной аномии, сформировавшейся в условиях переходного общества и закрепившейся в сознании последующих поколений молодежи. Ее воспроизводство не зависит от возраста (78,2 % 15–24-летних и 77,2 % 25–35-летних). Неверующие, как и верующие, демонстрируют тенденции к простому воспроизводству адаптационного (соответственно 78,7 и 81,2 %) и аномичного (соответственно 84,5 и 80 %) типов. Колеблющиеся по воспроизводству базовых типов культуры сходны с верующими.

Сравнение показателей воспроизводства смысловых компонентов гедонистической культуры в разных возрастных группах обнаруживает тенденцию к ее расширенному воспроизводству верующими: 92,4 % ее носителей среди 15–24-летних и 84,9 % среди 25–35-летних. Идеи гедонизма определяют стремление к комфорту, приоритету материальных потребностей над духовными, получению от жизни удовольствия. Они прочно вошли в сознание современных поколений молодежи и воспроизводятся как часть общей культуры, безотносительно веры в Бога. Поэтому религиозная самоидентификация практически не влияет на ослабление этого смыслового компонента саморегуляции. Неверующие и колеблющиеся в обеих группах незначительно отличаются от соответствующих групп верующих по принадлежности к гедонистической культуре.

Религиозная самоидентификация более значимо дифференцирует молодежь, если сравнить доли выраженных носителей базовых компонентов культуры. В этом случае усиливаются различия по принадлежности к трем ее типам: духовной (верующие в обеих возрастных группах — по 68 %, неверующие 15–24-летние — 41,9 %, 25–35-летние — 31,8 %), инновационной (верующие 62,2 и 57 %, неверующие — 44,1 и 36,5 %), культуре физического развития (верующие 58,2 и 50 %, неверующие 44,1 и 43,5 %).

Выраженные «гедонисты» в группе верующих сохраняют логику расширенного воспроизводства: 15–24-летние — 53,3 %, 25–35-летние — 44,6 %. Среди неверующих зафиксировано простое воспроизводство, соответственно 52,9 и 51,8 %. Адаптационный тип культуры практически уравнивает выраженных носителей в полярных группах. Выраженные носители инновационной, духовной культуры и культуры физического развития в группе колеблющихся занимают срединное положение между верующими и неверующими, по остальным типам культуры они незначительно отличаются от представителей полярных групп.

Обращает на себя внимание устойчивое воспроизводство верующими смысловых основ культуры моральной анонии, которая охватывает одну треть респондентов в каждой возрастной группе. Представление о том, что у каждого своя норма и мораль несоотносимо с регламентацией ценностно-нормативной структуры сознания и поведения верующих и скорее более ожидаемо в среде неверующих. Однако в среде неверующих прослеживается логика ее суженного воспроизводства (15–24-летние — 36 %, 25–35-летние — 45,9 %). Такое распределение — еще одно свидетельство неоднозначных связей религиозности и смысловых оснований саморегуляции.

В рамках дихотомического анализа большая часть смыслов, относящихся к субкультурным групповым признакам, объединяет верующую молодежь, т.е. речь идет о ее относительном групповом единстве. В этом ряду «стремление к объединению со сверстниками, быть на связи, что одинаково характеризует младших и старших (соответственно 94,7 и 94,6 %), рост патриотических настроений (соответственно 85,8 и 81,2 %), традиционное противостояние «свои — чужие» (по 71,1 %). Здесь же и черты-проявления демонстративного поведения: стремление самовыразиться, быть непохожим на других (среди 15–24-летних — 92,9 %, среди 25–35-летних — 89,6 %), протест против официоза, бунтарство (соответственно 56,9 и 59,7 %). Последняя в ряду черта — протест — сближает верующих с неверующими старшей возрастной группы (58,8 %). А неверие в сочетании с возрастом в диапазоне от 15 до 24 лет дает практически

абсолютное воспроизводство протеста против официоза, бунтарства (77,6 %).

Поколенческое сходство наблюдается и в воспроизводстве верующими бегства от действительности, ухода в себя, создания собственного мира (48,9 и 48,3 %). Эта черта значимо отличает их от неверующих (соответственно 64,7 и 62,4 %). Незначительны различия в группе верующих по самоощущению избранности, исключительности, которое характеризует 78,7 % младших и 74,2 % старших. Среди неверующих намечается тенденция к увеличению доли носителей этого смысла среди представителей младшей группы (72,8 %) по сравнению со старшими (67,1 %).

Тенденция к возрастной дифференциации видна среди верующих по отношению к свободе без ограничений, в том числе сексуальной свободе (59,6 и 53,7 %). Среди неверующих различия между представителями возрастных подгрупп более значимы: 72,8 и 61,2 %. А такая черта, как стремление быть в центре внимания, эпатировать окружающих, проявляется скорее по возрастному признаку, объединяя верующих и неверующих одной возрастной группы. В группе 15–24-летних она присуща 76,9 % верующих и 77,6 % неверующих; в группе 25–35-летних — 63,4 и 60 % соответственно.

Однако анализ групп выраженных носителей субкультурных смыслов в одних случаях указывает на более значимые возрастные основания дифференциации, в других — подтверждает соотношения, выявленные предыдущим анализом. По ряду субкультурных смыслов обнаружено некоторое преобладание их выраженных носителей в «младших» возрастах. Так, религиозная идентификация менее значима в отношении стремления самовыразиться, чем возрастная. Это стремление в равной мере близко 56,9 % верующих и 55,1 % неверующих в группе 15–24 лет, а также 48 % верующих и 47,1 % неверующих в возрасте 25–35 лет.

Стремление к объединению со сверстниками внутригрупповую возрастную дифференциацию и межгрупповые различия отражает следующим образом: в группе верующих среди 15–24-летних — 64 %, среди 25–35-летних — 57 %, в группе неверующих — соответственно 53,7 и 42,4 %. В воспроизводстве этого смыслового основания религиозная идентификация играет более значимую роль.

Стремление быть в центре внимания, эпатировать также в большей степени свойственно младшим группам, но и доли старших в воспроизводстве этого смыслового основания саморегуляции довольно значимы, учитывая, что речь идет о верующей молодежи: среди верующих 15–24 лет — 30,7 %, 25–35 лет — 22,5 %, среди неверующих — соответственно 34,6 и 22,4 %.

Наиболее значимое различие между представителями младших групп зафиксировано по такому признаку, как рост патриотических настроений. Он характеризует вдвое больше 15–24-летних верующих (36,4 %) по сравнению с неверующими (17,6 %). Выраженные носители этого признака в старших группах различаются менее значимо — 29,9 и 23,5 %.

Противостояние «свои — чужие» в большей степени свойственно 15–24-летним верующим (28,4 %) и 25–35-летним неверующим (34,1 %), в меньшей — 15–24-летним неверующим (22,1 %) и 25–35-летним верующим (21,1 %). А выраженных носителей черты «протест против официоза, бунтарство» больше среди 25–35-летних неверующих — 27,1 %. Среди 15–24-летних верующих их 23,6 %. А самый низкий уровень воспроизводства протестного потенциала среди младших неверующих — 18,4 % и старших верующих — 17,8 %. Как видно, активизация воспроизводства конфронтационного и протестного типа саморегуляции в младших возрастах происходит вследствие сочетания факторов возрастной психологии и религиозной идентификации. А его ослабление регулируется либо снижением уровня религиозности подростковых и юношеских групп, либо взрослением. Снижение напряженности в среде неверующих молодых взрослых связывается исключительно с решением их социальных проблем в рамках государственной молодежной политики.

Самоощущение избранности в выраженной форме практически не различается по возрасту верующих (15–24-летние — 29,8 %, 25–35-летние — 26,6 %). А среди неверующих эта черта более свойственна 15–24-летним (33,1 %), чем 25–35-летним (25,9 %).

Свободу без ограничений, в том числе сексуальную, как значимый смысл в большей степени разделяют 15–24-летние (верующие — 24,9 %, неверующие — 32,%) и в меньшей — 25–35-летние (верующие — 17,4 %, неверующие — 21,2 %). Эта поколенческая черта, находясь в смысловой оппозиции религиозным канонам, тем не менее полностью характеризует четвертую часть младшей группы верующих и вступает в противоречие с ценностно-нормативной структурой сознания воцерковленного молодого человека.

Выраженных носителей идеи бегства от действительности меньше среди верующих (15–24-летние — 16,9 %, 25–35-летние — 13,8 %). Неверующие, незначительно различаясь между собой (соответственно 19,1 и 23,5 %), в «старшей» группе отличаются от своих сверстников в группе верующих. Выраженные носители поколенческих черт из группы колеблющихся сближаются с верующими и неверующими в разделении стремления самовыразиться. В разделении свободы без ограничений они отражают возрастную дифференциацию, как и в других выделенных группах.

По остальным чертам незначительно отличаются то от одной группы полярной группы, то от другой.

Анализ сопряженностей религиозной самоидентификации со смыслами основаниями базовой культуры и субкультуры, отражая их нелинейный характер, внутрипоколенческую солидарность и дифференциацию, показал, что верующая молодежь более активна, контактна, ориентирована на других, чем неверующая. Вместе с тем она в полной мере стремится к самовыражению, объединению со сверстниками, частично к эпатажу и свободе, в том числе сексуальной.

Заключение

Религиозная самоидентификация молодежи, будучи сложным по структуре феноменом, обуславливает неоднозначность воспроизводства элементов социокультурного механизма саморегуляции и его смысловых компонентов. Это вызвано противоречивостью взаимодействия традиционных и современных образцов, общей тенденцией гибридизации сознания и поведения молодежи в процессе культурного воспроизводства. В этих условиях переосмысливается сама вера и основания религиозной идентификации, а ее связь с механизмом саморегуляции и наследуемыми смыслами выстраивается нелинейно.

Противоречия проявляются в сочетании тенденций простого, расширенного и суженного воспроизводства отдельных элементов социокультурного механизма, а также в наслоении различных по смыслу оснований саморегуляции, преемственно воспроизводящихся в группах молодежи, по-разному себя идентифицирующих с религией.

В процессе воспроизводства религиозная самоидентификация однозначно коррелирует с архетипами как элементами коллективного бессознательного, что является основным отличием в сравнении с другими элементами. Большая часть архетипов отражается в логике простого воспроизводства, что является фактором их устойчивости, заложенные в них смыслы преемственно наследуются верующей молодежью.

В корреляциях с ментальными чертами различия проявляются только среди их выраженных носителей. То есть религиозная самоидентификация способствует воспроизводству определенности ментальных компонентов социокультурного механизма саморегуляции, прежде всего по показателю любви к отечеству, но также чести, достоинства и любви к ближнему. Однако характер связей с ментальными чертами наглядно показал, что их воспроизводство вполне успешно происходит и в рамках светской этики, о чем говорят высокие значения соответствующих показателей в среде неверующих. Резкое отличие верующих

от неверующих наблюдается лишь по отношению к стране, которая для верующих является объектом любви и привязанности, а не просто местом проживания.

Воспроизводство не всех элементов механизма и их смысловых компонентов подвержено регулятивному влиянию религиозной идентичности. Так, в условиях глобализации религиозная идентификация не препятствует расширенному воспроизводству современных значений открытости миру. «Чужое» не только перестает восприниматься враждебным, но и становится привлекательным. Это проявляется и в расширяющемся интересе ко всему иностранному как современной черты, и в расширенном воспроизводстве стереотипов «своего» как представителя другого этноса, и принятии как «своего» стремящегося к собственному благополучию, что является характерной тенденцией для молодежи. В ряде случаев доминирующее значение имеет возраст. Именно возраст, а не религиозная принадлежность проявляется как регулятор воспроизводства стереотипов. Религиозная самоидентификация ослабевает и в регулировании воспроизводства современных черт национального характера, что позволяет предположить общее ослабление ее регулятивной роли в воспроизводстве и формировании этого элемента социокультурного механизма.

Связь религиозной идентификации с воспроизводством элементов механизма саморегуляции дифференцирует молодежь по степени выраженности габитуальных установок. Как и в случае с ментальными чертами, религиозная самоидентификация способствует выраженной готовности к активным формам жизнедеятельности, проявлению чувственности и коллективизма.

Неверие продуцирует заметно более сложный, нелинейный характер воспроизводства, при котором складывается сочетание традиционного и современного, чувственного и рационального. Но и вера в Бога на фоне простого воспроизводства явно выраженных традиционных компонентов саморегуляции не избавляет от расширенного воспроизводства современных смысловых установок, слабо препятствует более общим процессам рационализации. В группе верующей молодежи наблюдаются простое воспроизводство или тенденции к суженному традиционных элементов и простое воспроизводство или тенденции к расширенному современных компонентов культуры.

Литература

Безрогов В. (2002) Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива. *Развитие личности*, 4: 115–136.

Безрогов В. (2006) Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве). *Антропологический форум*, 4: 130–162. EDN KCKFJN.

Бурдые П. (1995) Структуры, habitus, практики. *Современная социальная теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас*. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та.

Дивисенко К.С., Белов А.Э. (2017) Социальные исследования субъективного благополучия в контексте духовности и религиозности. *Социологический журнал*, 23 (2): 51–73. EDN YTUFKB.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2008) *Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи*. М.: Academia. EDN XSNCSSZ.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2020) *Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности*. М.: Норма. EDN WLJWBA.

Зубок Ю.А., Яковук Т.И. (2008) *Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе*. Брест: Альтернатива. EDN XSNCSP.

Кублицкая Е.А. (2009) Изучение религиозной и профессиональной самоидентификации современного российского общества (социологический опыт). *Социально-гуманитарные знания*, 3: 267–280. EDN LDFKXH.

Кублицкая Е.А. (2019) Роль религии и церкви в современном обществе (в оценках московской молодежи). Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. (ред.) *Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики*. М.: Экон-Информ: 309–321. EDN VRJWEG.

Кублицкая Е.А., Лютенко И. В. (2019) Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социальные-педагогические аспекты. *ЦИТИСЭ*, 5(22): 478–493. EDN BWYSYK.

Кублицкая Е.А., Назаров М.М. (2019) Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе). *Вестник Российской академии наук*, 89 (11): 1120–1127. EDN RNDVMC.

Лебедев С.Д. (2005) Религиозность: в поисках «рубикона». *Социологический журнал*, 3: 153–168. EDN PCNLXZ.

Лебедев С.Д. (2010) Парадоксы религиозности в мире позднего модерна. *Социологические исследования*, 12(320): 85–93. EDN NCHJLH.

Лебедев С.Д. (2019) О религиозной идентичности в современном мире в свете диспозиционной концепции личности В.А. Ядова. *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова)*. 28–30 ноября 2019 года. М.: ФНИСЦ РАН: 647–650. EDN ZXDWWM.

Мчедлова М.М. (2001) *Менталитет. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь*. М.: Республика. EDN WDXJED.

Мчедлов М.П. (2005) Религиозны ли молодые россияне? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(74): 38–45. EDN PCVMCH.

Ореханов Ю.Л. (2014) Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*, 6(56): 101–118. EDN TJQXJD.

Павлюткин И.В. (2020) Динамика религиозности молодых людей в России. *Научный результат. Социология и управление*, 6(3): 153–183. EDN YFLDIK.

Пруцкова Е.В. (2015) Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия*, 3(59): 62–80. EDN TZUEVF.

Руткевич Е.Д. (2021) (Не)Религиозное разнообразие и соотношение религиозного, духовного и светского в сознании современного человека. *Вестник Института социологии*, 12(3): 54–78. EDN QUHNIZ.

Синелина Ю.Ю. (2006) Динамика процесса воцерковления православных. *Социологические исследования*, 11(271): 89–97. EDN OPCRWB.

Франкл В. (1990) *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Любутов А.С., Сорокин О.В. (2021) Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование. *Социологические исследования*, 10: 23–36. EDN SBPAJB.

Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. (2014) *Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства*. М.: Норма. EDN XRYSUR.

Чупров В. И. (2017) Механизм саморегуляции социокультурного воспроизводства в молодежной среде в изменяющемся обществе. *Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях»*, Москва, 15–16 марта 2017 г. М.: ВЦИОМ: 98–100. EDN XOMLZB.

Юнг К.Г. (1991) *Архетип и символ*. М.: Ренессанс.

RELIGIOUS SELF-IDENTIFICATION OF YOUTH: A SOCIO-CULTURAL MECHANISM OF REPRODUCTION

Nina Seliverstova (nas0311@ya.ru), *Yuliya Zubok*

Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia

Citation: Seliverstova N., Zubok Yu. (2023) Religioznaya samoidentifikatsiya molodezhi v vosproizvodstve sotsiokul'turnogo mekhanizma samoregulyatsii [Religious self-identification of youth: a socio-cultural mechanism of reproduction]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 135–174 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.7>. EDN: XKXRCF

Abstract. The article theoretically substantiates the connection of religious self-identification with the reproduction of the socio-cultural self-regulation mechanism in young people's lives. The reproductive potential of religious self-identification in relation to the unconscious and the conscious, traditional and modern in the mechanism of self-regulation has been studied. The results of an empirical analysis of data on the features of the reproduction of the elements of this mechanism and the corresponding semantic patterns in the groups of believers, unbelievers and undecided are presented. A three-dimensional correlation analysis was carried out taking into account the age differentiation of young people, which determines their socio-psychological and socio-cultural specifics. It was revealed that the reproduction of socio-cultural components, firstly, occurs in the logic of simple, expanded, or narrowed reproduction, and secondly, it is not always determined by religious identity. Religious self-identification uniquely reproduces only archetypes and loses its unambiguous connection with other elements of the unconscious — mental traits, habits, stereotypes. The reproduction of national character features and habitus significantly correlates with religious self-identification only in groups of pronounced carriers and not all, but some orientations. The reproduction of stereotypes is more significantly associated with age than with religious identification. In the reproduction of modern traits that have become the character features as the result of global culture influence, their connection with religious identification is noticeably leveled. And in the reproduction of the meanings of the base culture and subculture, the non-linearity and hybridization of value orientations and meaning compositions were fully manifested. The presence of religious self-identification supports the reproduction of traditional, but does not guarantee the weakening of the influence of modern culture on the youth. In the group of believing youth, there is a simple reproduction or a tendency towards a narrowing reproduction of traditional elements and a simple or a tendency towards an expanded reproduction of modern components of culture.

Keywords: youth, religious self-identification, mechanism of socio-cultural reproduction, archetypes, mentality, habits, stereotypes, generational traits, subcultural meanings

References

Bezrogov V. (2002) Religioznaya socializatsiya i osushchestvlenie prava na veru v mezhpokolennyh otnosheniyah: XX vek i perspektiva [Religious socialization and the exercise of the right to faith in intergenerational relations: the twentieth century and perspective]. *Razvitie lichnosti* [Personal development], 4: 115–136 (in Russian).

Bezrogov V. (2006) Mezhdru Stalinym i Hristom: religioznaya socializatsiya detej v sovetsoj i postsovetsoj Rossii (na materialax vospominanij o detstve) [Between Stalin and Christ: Religious Socialization of Children in Soviet and Post-Soviet Russia (based on memories)]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 4: 130–162 (in Russian).

Bourdieu P. (1995) *Struktury, habitus, praktiki. Sovremennaya social'naya teoriya: Bourdieu, Giddens, Habermas* [Structures, habitus, practices. Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta (in Russian).

Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. (2021) Samoregulyatsiya zhiznedejatel'nosti molodezhi: strukturno-takticheskoye modelirovaniye [Self-regulation of youth life: structural and taxonomic modeling]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 10: 23–36 (in Russian).

Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. (2014) *Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshchestve: sociokul'turnyj mexanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction]. Moscow: Norma (in Russian).

Chuprov V.I. (2017) Mexanizm samoregulyatsii sociokul'turnogo vosproizvodstva v molodezhnoj srede v izmenyayushchemsya obshchestve [The mechanism of self-regulation of socio-cultural reproduction in the youth environment in a changing society]. *Materialy VII mezhdunarodnoj sotsiologicheskoy Grushinskoj konferentsii "Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniyah"* [Towards the future. Forecasting in sociological research], Moskva, 15–16 marta 2017 goda. Moscow: VCIOM: 98–100 (in Russian).

Divisenko K.S., Belov A.E. (2017) Sotsial'ny'e issledovaniya sub`ektivnogo blagopoluchiya v kontekste duhovnosti i religioznosti [Social studies of subjective well-being in the context of spirituality and religiosity]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 23(2): 51–73 (in Russian).

Frankl V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress (in Russian).

Kublitskaya E.A. (2009) Izuchenie religioznoj i konfessional'noj samoidentifikatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva (sotsiologicheskij opyt) [The study of religious and confessional self-identification of modern Russian society (sociological experience)]. *Social'no-gumanitarny'e znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 3: 267–280 (in Russian).

Kublitskaya E.A. (2019) Rol' religii i tserkvi v sovremennom obshchestve (v otsenkax moskovskoj molodezhi) [The role of religion and the Church in modern society (in the assessments of Moscow youth)]. Ryazantsev S.V., Rostovskaia T.K. (eds) *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and youth policy: new meanings and practices]. Moscow: E'kon-Inform: 309–321 (in Russian).

Kublitskaya E.A., Lyutenko I.V. (2019) Traditsionnaya religioznost' i netraditsionnye religioznye ucheniya v zhizni rossijskoj molodezhi: social'no-pedagogicheskie aspekty [Traditional religiosity and non-traditional religious teachings in the life of Russian youth: socio-pedagogical aspects]. *CITISE` [QITISE]*, 5(22): 478–493 (in Russian).

Kublitskaya E.A., Nazarov M.M. (2019) Dinamika religioznosti v sovremennoj Rossii (po dannym issledovanij v stolichnom regione) [The dynamics of religiosity in modern Russia (according to research in the metropolitan region)]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 89(11): 1120–1127 (in Russian).

Lebedev S.D. (2005) Religioznost' : v poiskax «rubikona» [Religiosity: in search of the "rubicon"]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 3: 153–168 (in Russian).

Lebedev S.D. (2010) Paradoksy religioznosti v mire pozdnego moderna [Paradoxes of religiosity in the world of Late Modernity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 12(320): 85–93.

Lebedev S.D. (2019) O religioznoj identichnosti v sovremennom mire v svete dispozitsionnoj kontseptsii lichnosti V.A. Yadova [On religious identity in the modern world in the light of V.A. Yadov's dispositional concept of personality]. *Budushchee sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy social'nyh transformatsij (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Yadova)* [The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov)]. 28–30 noyabrya 2019 goda. Moscow: FNISZ RAN: 647–650 (in Russian).

Mchedlova M.M. (2001) Mentalitet [Mentality]. In: *Rossijskaya tsivilizatsiya: etnokul'turnye i duhovnye aspekty: Entsiklopedicheskij slovar'* [Russian civilization: ethno-cultural and spiritual aspects]. Moscow: Respublika (in Russian).

Mchedlov M.P. (2005) Religiozny li molodye rossiyanе? [Are young Russians religious?] *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye pere-meny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2(74): 38–45 (in Russian).

Orekhanov Yu.L. (2014) Sekulyarizatsiya i postmodern: religioznye protsessy v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii i Evrope i ih social'no-bogoslovskaya refleksiya [Secularization and Postmodernity: Religious Processes in the Youth Environment in Modern Russia and Europe and their Socio-theological Reflection]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 6(56): 101–118 (in Russian).

Pavlyutkin I.V. (2020) Dinamika religioznosti molodyx lyudej v Rossii [The dynamics of the religiosity of young people in Russia]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and management], 6(3):153–183 (in Russian).

Pruczkova E.V. (2015) Svyaz' religioznosti i tsennostno-normativnyh pokazatelej: faktor religioznoj sotsializatsii [The relationship of religiosity and value-normative indicators: the factor of religious socialization]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 3(59): 62–80 (in Russian).

Rutkevich E.D. (2021) (Ne)Religioznoe raznoobrazie i sootnoshenie religioznogo, duhovnogo i svetskogo v soznanii sovremennogo cheloveka [(Non)Religious Diversity and correlation of religious, spiritual and secular in the consciousness of modern man].

Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology], 12(3): 54–78 (in Russian).

Sinelina Yu.Yu. (2006) *Dinamika protsessa votserkovleniya pravoslavnyh* [Dynamics of the process of Orthodox Church formation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 11(271): 89–97 (in Russian).

Yung K.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: *Renessans* (in Russian).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) *Social'naya regulyatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy issledovaniy molodezhi* [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in youth research]. Moscow: *Academia* (in Russian).

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life]. Moscow: *Norma* (in Russian).

Zubok Yu.A., Yakovuk T.I. (2008) *Duhovnaya zhizn' molodezhi v transformiruyushchetsya obshchestve* [The spiritual life of youth in a transforming society]. Brest: *Alternativa* (in Russian).